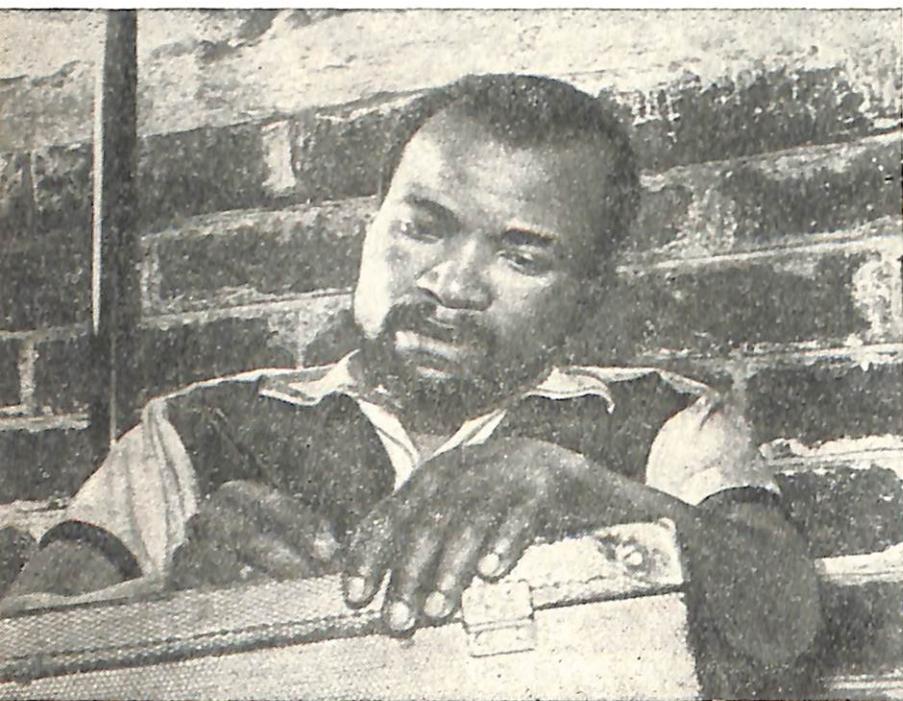

ФИЛЬМ СНИМАЛСЯ ТАЙНО

Профсоюз горняков-африканцев выдвинул список требований об улучшении положения шахтеров. Положив список на чемоданчик — в шахтерском бараке нет стола — Захария ставит свою подпись под списком.

М

ы снимаем музыкальную комедию из африканской жизни, веселый фильм, с песнями и танцами.

Полицейский смотрит недоверчиво:

— Если это комедия, то зачем вам понадобился труп?

— О, господин офицер, ведь этот фильм для Америки, а американцам нравится смотреть на трупы негров...

— Ах, для Америки! В таком случае продолжайте, — величественно разрешает сержант, польщенный тем, что его назвали офицером. Вежливо кырнув, он оставляет оператора в покое.

Съемка на окраине Йоханнесбурга продолжается. Вот первая сцена. Бараки, окруженные колючей проволокой. Сторожевые вышки. Автоматчики. Что это? Гитлеровский концентрационный лагерь? Нет, это обычное «общеежитие» для африканских горняков на золотых приисках в Йоханнесбурге — так называемый компаунд. Здесь живут африканцы, подписавшие двухлетний кабальный договор. Им запрещено выходить за пределы компаунда, встречаться с родными.

Герой фильма — Захария Мгапе, крестьянин народности зулу. Нищета гонит его из родной деревушки в город, на заработки, заставляет покинуть любимую красавицу-жену. На два года он прикован к шахте, он выполняет самую тяжелую, нищенски

оплачиваемую работу. Но Захария полон наивных радужных надежд. Это добрый человек и весельчак по натуре. Он верит в справедливость белых хозяев, верит, что, работая старательно и усердно, сможет добыть счастье себе и своей жене Вине.

Наконец истек срок контракта. После двух лет каторжного труда Захария посчастливилось получить от золотопромышленника пропуск в Йоханнесбург. Там он нанимается в дом белых. Сварливая миссис терроризирует Захария, а потом и прогоняет его:

— Этот черный остолоп принял наш питательный грибной суп за грязную воду и не стал его есть, выплеснул на помойку!

Надо искать новое место. Но теперь Захария остался без пропуска. Чтобы найти работу — это не так-то просто! — он должен исходить весь город вдоль и поперек. А Йоханнесбург — самый расистский город в мире. Африканца, не имеющего в кармане пропуска, могут арестовать, бросить в тюрьму, отправить на принудительные работы. Но чтобы получить пропуск, необходимо где-нибудь работать... Случайно встретившийся Захария знакомый шахтер помогает ему найти временное убежище в одном из уголков громадных пригородных трущоб и устроиться мойщиком машин в гараже. Владелец гаража не может стерпеть, чтобы негры участвовали в забастовке, организованной прогрессивным профсоюзом.

— Ты грязный коммунист! — кричит он Захария.

Так впервые в жизни африканский крестьянин услышал о коммунистах. Выброшенный на улицу «коммунист» кое-как определяется на кухню при одном из отелей. Его новая «специальность» — мытье грязной посуды. В отеле пьяная, полусумасшедшая белая, раздевшись донага, бросается на шею Захария, а потом поднимает ужасный визг, обвиняя негра в том, что он пытался ее изнасиловать. Такой жалобы достаточно, чтобы бросить негра в тюрьму и даже отправить на виселицу. Но владелец отеля, опасаясь скандала, постарался замать дело. Само собой разумеется, Захария опять остается без работы.

Не имея заработка, Захария не посылает дечей в деревню, и сборщики налогов преследуют его жену. Потеряв надежду получить весточку от мужа, Вина с детьми и глухонемой сестрой приезжает в Йоханнесбург и поселяется в «бидонвиле» — негритянском пригороде, где жалкие жилища сооружены из фанеры и консервных банок.

Захария становится землекопом. Ему опять прецедуют отлучаться. Но вот наконец в его руках пропуск, он может повидаться с семьей. Ночью полиция учинила налет на африканские кварталы. Несмотря на то, что у Захария на руках было законное разрешение на посещение жены и детей, его все же отправляют в тюрьму. Освободившись через несколько дней, Захария бросается к жене, но уже поздно... Бандиты изнасиловали и убили молодую женщину. Возле трупа сидит на корточках дрожащая от ужаса, обезумевшая глухонемая сестра Вины.

Доведенный до отчаяния, Захария осознает чудовищность всего того, что ему и его братьям-африканцам дала хваленая «цивилизация», принесенная колонизаторами. Трагическая гибель Вины кладет конец пассивной покорности добродушного

африканца. Он становится гневным борцом за освобождение Африки от колонизаторов.

Таков сюжет фильма «Вставай, Африка!» Это название заимствовано из гимна африканской организации борцов за мир, запрещенной в Южно-Африканском Союзе.

— Потрясающая картина «закрытого» для африканцев города Йоханнесбурга, с его системой ограничений и запретов, представляет собою подлинное произведение искусства, — свидетельствует известный французский кинематографист Жорж Садуль.

А между тем этот фильм создавался в необычных условиях. Тридцатипятилетний инженер-судостроитель Лайонел Рогозин, снимавший его, был вынужден работать тайком, обходя всевозможные полицейские рогатки. До начала съемки Рогозин прожил более года в Йоханнесбурге, присматриваясь к его жизни, наблюдая, как местные расисты осуществляют политику апартеида. Молодой прогрессивный американский интеллигент счел своим долгом создать фильм — документальное обвинение против последователей Гитлера в Южно-Африканском Союзе. Его картина высоко оценена прогрессивной печатью многих стран, тепло принята зрителями во Франции и Англии.

— Заключительная сцена фильма глубоко символична, — пишет кинообозреватель «Юманите диманш». — В образе шахтера Захариа воплощается гнев африканских масс, все более осознающих необходимость сбросить иго колониализма.

При создании сценария соавторами Рогозина были Льюис Нкози и Блок Модисане — самые настоящие южноафриканцы, никогда не писавшие сценариев, но зато отлично знающие жизнь народа зулу. В фильме не занят ни один профессиональный актер. Все роли исполняют любители, никогда не игравшие на сцене, не снимавшиеся в кино. Они не получали никакого денежного вознаграждения.

Почти все фильмы об Африке, снятые европейскими и американскими кинорежиссерами, густо уснащены «экзотикой». В них фигурируют примитивные «туземцы», опутанные многочисленными суевериями, запретами — табу. Рогозин так показывает героев фильма, что европейскому зрителю становится ясно: негры, африканцы — такие же люди, как и мы с вами. Белые «цивилизаторы» сами скрывают жизнь африканцев многочисленными абсурдными и зверскими табу, очень напоминающими режим гитлеровских концентрационных лагерей.

— Трудно африканскому кинематографисту, вынужденному работать под «опекой» колонизаторов, создать что-либо действительно заслуживающее внимания, — с горечью признает кинорежиссер-африканец из Нигерии Джемс Коинде Вогаи. Ему самому за три года работы удалось выпустить всего один фильм — документальную картину о плетении корзин в Нигерии.

Жорж Садуль гневно пишет:

— Величайшим скандалом в области искусства кино наших дней является тот факт, что 150 миллионов африканцев через 65 лет после создания кино лишены возможности пользоваться этим изобретением как средством выражения человеческих чувств, познавать его как вид искусства.

Тем более велика заслуга режиссера Лайонела Рогозина и его африканских друзей, создавших картину «Вставай, Африка!»

— По правдивости, по реализму, по человечности фильм этот занимает видное место среди самых сильных, самых впечатляющих антирасистских и антиколониалистских картин, какие нам дала кинематография с момента ее рождения, — пишет один из французских критиков.

Музыка фильма оригинальна и необычна, она либо основана на африканских мелодиях, либо полностью воспроизводит их. Безвестных любителей, занятых в этой картине, многие знатоки кино приравнивают по талантливости исполнения ролей к знаменитым артистам, участникам нашумевшего фильма «Черный Орфей».

Никто не осудит создателей волнующего и глубоко правдивого фильма «Вставай, Африка!», фильма о кровавом терроре против африканцев в стране апартеида, за то, что они, снимая картину в расистском, полицейском государстве — Южно-Африканском Союзе, были вынуждены в целях маскировки говорить полицейскому, будто снимают комедию...

МЕЛИХ ДЖЕВДЕТ

Терпи!

Мелих Джевдет — один из наиболее талантливых современных турецких поэтов. Вместе с Орханом Велли и Октаем Рифатом является представителем демократической, обличительной линии в турецкой поэзии наших дней.

Продаешь лимонад, сынок!
Прохожий разбил бутылку,
и вода потекла по асфальту?
Не горюй, подсчитай убытки:
это ж' всего три лиры —
заработок недельный.
Э, пустяки, сынок,
то ли еще бывает!
Ну, дашь отдохнуть недельку
челюстям и зубам
да стянешь потуже пояс...
О чем разговор, сынок!
Главное — надо терпеть.
Вот, говорят, Рокфеллер
терпел, терпел —
и разбогател...
Так что терпи, сынок, —
может, разбогатеешь...

*Перевел с турецкого
Александр Янов*